

Перевод (вольный) отрывка из книги

Филипа и Роберта Кингов «FAREWELL, MY DUMMY».

Книга представляет собой серию пародий и стилизаций на тему бриджа.

Предисловие переводчика.

В тексте ниже великое множество исторических, литературных и культурных отсылок. Кто такие Дэмпси, Танни, Бейб Рут и Мэй Уэст? Кто говорил «фе-фи-фо-фум»? Почему Пулемет Келли был бы неудачной кандидатурой на роль кибитцера? О чем были кинокартины Демилля? Какие услуги предлагает компания «Дан и Брэдстрит»? Что было в комиксе о Маленькой Сиротке Энни? Сколько косметики было на складах у Хелены Рубинштейн? Зачем публиковался социальный реестр высшего общества? Сколько стоит дублон Брашера? Что по-китайски означает «Фей-Цуй»? Кто жил раньше, Рафаэль или прерафаэлиты? Чем торгуют универмаги «Блумингдейл» и «Мейси»? Какие проблемы были у Старушки, которая жила в башмаке?

Чтобы освежить мозги, я выпил водки и собирался снабдить перевод подробными примечаниями.

Затем решил, что сейчас слишком жарко, чтобы лишать почтенную публику удовольствия ответить на все вопросы самостоятельно.

Леонид Улановский

РАЙМОНД ЧАНДЛЕР

Раймонд Чандлер и Дэшил Хэммет были мастерами школы «крутого детектива». Детектив уже превратился в элегантную головоломку среднего уровня про вымышленные убийства, с неправдоподобными аккуратными решениями. Они вернули его в ту среду, в которой он и должен был происходить: грязные убогие улицы, напряженные диалоги, роковые красотки и незавершенные расследования.

Чандлер создал своего персонажа, одновременно циника и неисправимого романтика Филипа Марлоу, чтобы обеспечить контраст с тоскливыми грязными декорациями историй, таких как «Прощай, моя прелесть» (Farewell, My Lovely) и «Глубокий сон» (The Big Sleep).

В фильме по мотивам последней из этих новелл Марлоу сыграл великий Хамфри Богарт, который также изображал частного детектива в фильме по роману Хэммета «Мальтийский Сокол» (The Maltese Falcon). У многих людей

это вызвало путаницу между двумя авторами детективов. История, которая следует ниже, бесстыдно эксплуатирует эту путаницу.

И еще, что нужно знать новому поколению игроков в бридж, Чандлер, хотя он аккуратно не указывает время своих историй, написал свои лучшие работы до того, как Американский Стандарт стал самой распространенной системой торговли в США.

ПРОЩАЙ, МОЙ ДУРАЧОК (FAREWELL, MY DUMMY)

1

Табличка на двери гласила «Филип Марлоу. Расследования». О чем она умалчивала, это тот факт, что я могу выдержать удар в челюсть и могу цитировать Т. С. Элиота, причем, одновременно. Я беру сорок баксов за день и восемь центов за милю. Десять центов, если использую машину. Я довольно честен, но слово «довольно» можно пропустить. Итак, я честен.

Я довольно презентабелен. Я меняю рубашку дважды в день и шляпу дважды в неделю. Я могу разговаривать на хорошем английском, когда нужно, и это действительно так пару раз в год.

Так что, если вам нужно, чтобы что-то было сделано без лишних вопросов, или вам просто нужно плечо, на котором вы могли бы поплакать, валяйте, обращайтесь. До тех пор, пока это не требует работы мозга. И если вы не бриджевый профи по имени Велма.

Это был теплый июльский день. Это был день для солнечного загара, для морского бриза, для охлажденного калифорнийского апельсинового сока. День, в который человек задает себе вопрос, зачем он потеет, сидя в прокуренном подвале, глотая свой четвертый по счету бурбон и разглядывая пятое по счету ярборо. О'кей, это не было ярборо. У меня в карте было два валета и десятка. По сравнению с моим обычным счастьем, это была не карта, а монстр.

Моим партнером был Дориан, владелец клуба. Его клуб работал как эксклюзивное место для игры в покер, бридж и кости. Эксклюзивность выражалась в принципе «никакого-оружия-за-столом» и предварительной плате за вход в размере двух долларов.

Стены были увешены фотографиями с автографами Дэмпси, Танни, Бейба Рута и других старых друзей владельца, которых никогда не было и за двенадцать кварталов от этого места. Не то, чтобы фото придавали месту дополнительную атмосферу, но они хотя бы держали обои на стенах.

СЮ в зоне, сдает Север.

п ТД107

ч ТД10

б ТДВ8

т ТК

п К53

ч К732

б К654

т ДВ

п 642

ч 964

б 72

т 109875

п В98

ч В85

б 1093

т 6432

Запад	Север	Восток	Юг
1бк	контра	2т	пас
пас	3т	пас	3б
пас	4т	пас	4ч
пас	5т	пас	6т
пас	6б	пас	пас
контра	пас	пас	реконтра
Все пас			

Запад был маленький бойкий петушок по имени Линди, который считал, что пас на двенадцати очках может поставить под сомнение его мужское достоинство. Он выпятил челюсть, заявил без козыря и свирепо посмотрел на нас, чтобы показать, что он самый крутой парень на районе. Возможно, он был ослеплен качеством своих промежуточных карт.

После контры от Дориана Восток сбежал в трефу. Дориан дал форсирующий до гейма кюбид и продолжил давать кюбиды до тех пор, пока мои два очка не стали казаться огромными, как бриллианты в обручальном кольце Мэй Уэст. Тогда я и сам дал кюбид в ответ и обнаружил себя в бубновом шлемике. Линди законтрил все это громче, чем звучали бы девять пароходных гудков. Я сделал большой глоток бурбона и услышал чей-то голос, который сказал: «Реконтра». Я огляделся вокруг и понял, что это был мой голос.

Пока я мрачно взирал на атаку дамой треф, я понял, что остальные игроки глазают на что-то такое на потолке позади меня. Я повернул шею и увидел, что это была большая шляпа. Под этой шляпой был большой человек, но не больше, чем шесть футов десять дюймов в высоту, и уж никак не шире, чем заднее сиденье в кадиллаке. Я ожидал, что он скажет «фе-фи-фо-фум», но я ошибся.

– Я не хотел бы испортить вам игру, – его голос, казалось, шел из глубокой шахты.

Лицо Дориана задергалось. Но он должен был удерживать свою репутацию.

– Это частный клуб, друг. Ты, по случаю, член клуба?

– Да, – согласился большой человек. – Я только что принял себя.

На это было нечего ответить. Дориан начал нервно скрести свой блестящий скальп, на котором две пряди волос упорно боролись за выживание.

– Кто вам дал рекомендации? – спросил он.

– Маленький человек у вас на дверях. Шесть футов три дюйма ростом, у которого сейчас нет передних зубов и перелом обоих коленей. Ты с ним знаком?

Дориан побледнел, но вовремя сумел задействовать скрытые резервы лицемерия.

– Добро пожаловать в клуб, – прохрипел он.

Послышался протестующий скрип сосновой мебели, когда наш новый приятель уселся позади меня. Я попытался представить себе менее желательного кибитцера. Пулемет Келли был хорошей кандидатурой, но другие что-то не шли мне на ум.

– Что тут у вас за канитель, кореш? – спросил он.

– Шесть бубен на реконтре, – сказал я ему.

– На это я собираюсь поглядеть, – присвистнул он.

Мои два валета могли быть ценными картами, но только если мне удастся выйти несколько раз не с той руки. Торговля рассказала мне, что у Запада дублет в трефе, так что я надеялся уговорить его провести несколько импасов за меня. Я взял туза треф, стянул короля и поразмыслил немного.

Пойти одной из дам со стола казалось хорошей идеей, но какой именно? Пиковой? Если Линди возьмет ее, у меня будет два перехода в руку, чтобы вырезать красные масти. Нет, этот уличный умник догадается пропустить. Кроме того, если у него четвертый король в бубне, что похоже по торговле, я так или иначе должен буду отдать бубну или черву.

Червовая дама обладала теми же недостатками. Тогда я дал своему мозгу отдых и подло вышел бубновой дамой. Линди уставился на нее с подозрением, словно это была купчая на Бруклинский мост. Он подергал себя за прядь морковных волос и решил не покупаться на это. Последовал бубновый валет, и он опять пропустил. Он начал выглядеть расстроенным. Тогда, чтобы подбодрить его, я сказал ему «раз, два» и сыграл по очереди мажорными дамами, и он пропустил их обеих.

Позиция сейчас стала такой:

п T107

ч T10

б T8

т -

п K5

ч K73

б K6

т -

п 64

ч 96

б -

т 1098

п B9

ч B8

б 10

т 64

Я сыграл бубновым тузом и бубной, сбросив трефу с руки. Линди был в безнадежной ситуации. Он пожевал губами, уставившись на карты болвана, словно шесть адвокатов в поиске лазейки в законе. Затем дерзко вышел червовым королем. Я с жалостью взглянул на него, взял тузом, перешел по червовому валету и запустил валета пик в центр стола крученной подачей.

– Можешь перебивать или не перебивать, я беру остальное. – сказал я.

Не знаю, зачем я устроил это представление. Возможно, я хотел произвести впечатление на большого парня. Если бы я знал, к чему это приведет, я бы сел без восьми.

Мы посчитались. Мое плечо играючи сжала рука, в которой я мог бы спать, свернувшись калачиком.

– Ты играл реально круто, братишка, – сказал мой новый закадычный друг, – Меня звать Мус (англ. moose – лось) Мэллой.

– Из-за твоего размера?

Его большое лицо выглядело озадаченным.

– Из-за того, что я люблю шоколадный мусс, – сказал он, – я ищу Велму, малышку Велму, она обычно играла здесь. Я не видел ее восемь лет.

– Я владею этим местом восемь лет, – сказал Дориан, – и я никогда не слышал о Велме.

– Милая, как кружевные панталончики, – большие глаза смотрели в пространство затуманенным взором, и мне удалось освободить плечо. Переломов не было, но что-то говорило мне, что я не скоро смогу играть на скрипке.

– Вы должны были знать Велму, – настаивал Мус, – блондинка, милая, как кружевные панталончики, играет Американский Стандарт. Она не писала мне восемь лет, но, должно быть, у нее была на то причина.

– Может быть, у нее кончились почтовые марки, – услужливо подсказал я.

Мус зарычал, как четверка тигров, защищающих свою добычу, когда увидел, что вышибала Джо появился сзади него с обрезом дробовика.

Дориан вызвал в себе слабый проблеск мужества:

– Нам не нужны проблемы, Мус. Почему бы тебе не выпить рюмашку за счет заведения и уйти с миром?

Большой человек оказался быстрым, как кошка. Он выхватил у Джо дробовик и переломил его пополам. Затем он схватил Джо и переломил и его пополам. На бис он поднял меня за искалеченное плечо и вынес на улицу через вращающиеся двери. Я успел увидеть, что малыш Линди поднялся. Он собирался прыгнуть вперед и укусить Муса за пятку, но Дориан его удержал. Это была моя вина, мне не следовало задерживать свои членские взносы за два года.

– Ты коп? – спросил Мус.

– Частный, – я с трудом выдохнул, – разве не видно?

Он опустил меня на землю, весьма нежно:

– Как тебя звать, кореш?

– Филип Марлоу.

– Ты разыгрываешь прямо как Велма, – его рука нырнула под куртку размером с трехместный шатер и появилась с десятью двадцатидолларовыми банкнотами, – я хочу, чтобы ты нашел ее.

В его башке помещалась только одна идея за раз, и даже одной ей там было тесновато.

– После того, как я найду ее, как мне найти тебя?

Он запихнул деньги мне в верхний карман:

– Я буду рядом.

Когда он ушел, до меня дошло, что он не сказал мне фамилию Велмы. Я уже думал побежать за ним, но было слишком жарко.

2

После хорошей ночной выпивки, с двумя сотнями в кармане моего светло-голубого костюма с галстуком в тон, я выглядел просто конфеткой. По ветерку я легким шагом проследовал в «Двойку Треф» в Магнолии, где Бенни Луковиц играл каждый вечер.

Если вы пользуетесь услугами компании «Дан и Брэдстрит» и готовы отложить в сторону комикс про день рождения Маленькой сиротки Энни, когда сюжет становится слишком фривольным, вам самое место в «Двойке». Там так же захватывающе, как в богадельне.

Старые глухие официанты несли подносы со старым сухим хересом мимо книжных полок из красного дерева, заполненных поэмами Лонгфелло, романами Луизы Мэй Олкотт и сокращенными изданиями «Маленького домика в прерии». Здесь было пять бриджевых столов, полностью заполненных, и они издавали столько шума, что это не напугало бы и мышшь, страдающую паранойей.

Бенни знал всех и каждого в бриджевом мире. Он стал профессиональным резидентом этого клуба благодаря своему мягкому голосу, костюмам класса люкс из универмага «Блумингдейл» и постоянно печальному выражению лица, словно он в очередной раз разыгрывает большой шлем без туза и короля козырных.

Он улыбнулся мне тонкой улыбкой, когда я присел и стал смотреть, как он будет играть червовый гейм против двух стареющих вдов, у которых было больше денег, чем бриджового чутья, и больше штукатурки на лице, чем у Хелены Рубинштейн на складах.

СЮ в зоне, сдает Запад.

Миссис Коэн

п Д106

ч 1098

б ТК54

миссис ДеЛонси т ТД5

п Т9842

ч 7

б В9632

т 72

Бенни

п К5

миссис Эплбаум

п В73

ч ДВ64

б Д107

т КВ3

ч ТК532
б 8
т 109864

Запад	Север	Восток	Юг
пас	1б	пас	1ч
пас	1бк	пас	3т
пас	4ч	Все пас	

Миссис ДеЛонси была простой душой. Множество простых правил позволяло ей свести проигрыши к приемлемому уровню. Пика была единственной незаявленной мастью, и, черт возьми, она была обязана пойти туда. Она выглядела огорченной, когда увидела отказывающую тройку от миссис Эплбаум, и сменилась в бубну.

Я заглянул в карты Востока и увидел, что, как бы Бенни не старался, ему придется отдать козырь и две трефы. Также я знал, что Бенни способен избавляться от потерь, как Аль Капоне от конкурентов.

Он взял бубну на столе и успешно провел импас червовой десяткой. Как пессимист мирового уровня, теперь он пытался понять, как выиграть против червы четыре-один и двух трефовых фигур за импасом.

Он сыграл второй старшей бубновой фигурой и аккуратно убил бубну в руку перед тем, как сыграть старшим козырем. Теперь он сыграл королем пик, перешел на стол по тузу треф, стянул даму пик и вышел четвертой бубной со стола в позиции:

Миссис Коэн

п -
ч 8
б 4

миссис ДеЛонси т Д5

п 98

ч -

б В

т 7

Бенни

п -

ч К5

б -

т 109

миссис Эплбаум

п -

ч ДВ

б -

т КВ

Ничто уже не могло помешать Бенни получить две козырные взятки и сделать вербальный массаж своим кормилицам.

– Какое невезение для вас, миссис Эплбаум, и для вас, миссис ДеЛонси, – сказал он, – ваша защита была просто блестящей, но мне очень повезло.

Он как раз заканчивал говорить миссис Коэн, что она провела торговлю в этой сдаче лучше, чем Жозефина Калбертсон, когда очередная вдова на высоких

каблуках непринужденно вошла в заведение, и, как хозяин, он должен был уступить место. Я заказал два хереса Тио Пепе.

– Как дела, Бенни?

– Иногда выигрываю, иногда проигрываю, – он пожал плечами.

– Так часто бывает, – сказал я.

– Бывает и хуже, – сказал он, – можно проиграть больше, чем выиграл.

Я поразмыслил над его словами, но было слишком жарко для глубокой философии.

– Бенни, ты знаешь бриджистку по имени Велма? Блондинка, играет Американский Стандарт. Милая, как кружевные панталончики.

– Может быть, – он выглядел настороженным, – что мне с этого?

– Двадцатка.

Для Бенни эта сумма была мелочевкой, но он протянул влажную жадную клешню.

– Оплата, как только найду ее.

Клешня вернулась в безопасное место, к бокалу с хересом.

– Что за проблема с этой страной, – пожаловался он мне, – все и всё хотят получить в кредит.

Я решил, что сейчас слишком жарко для кейнсианской экономики.

– Пускай будет сорок. Если и когда я найду Велму.

Он подумал мгновение, и решил заглотить двойную наживку.

– Она играла здесь несколько раз. Но она была слишком привлекательной, слишком яркой. Из-за этого вдовый профсоюз выписал ей черную карту. Кто ее ищет?

– Большой парень, похожий на танк Шерман. По имени Мус Мэллой.

Он побледнел. Даже имя Муса заставляло людей бледнеть. Бенни бегло огляделся, затем спросил благоговейным шепотом:

– Тот Мус Мэллой, что отмотал восемь лет?

– Подходит под описание, – прошептал я в ответ, удивляясь про себя, сколько Мусов Мэллоев придется исключить из рассмотрения.

– За ограбление броневика в одиночку?

– Это несомненно в его стиле, Бенни.

– Который уложил двенадцать копов, пытавшихся его арестовать?

– Похоже на старого доброго Муса.

– Я никогда о нем не слышал.

Может быть, это была только игра моего воображения, но у меня появилось чувство, что Бенни что-то скрывает, что-то такое, что даже банкнота не смогла бы вытащить на свет. Я одним глотком допил свой Тио Пепе и направился к двери.

Затем, вообще без всякой причины, я оглянулся. Он, обливаясь липким потом от жадности, лихорадочно набирал номер на телефоне.

Уже на улице, я вспомнил, что Бенни не сообщил мне фамилию Велмы. Но было слишком жарко, чтобы возвращаться.

Когда я добрался до моего офиса, звонил телефон. Уровень алкоголя в моей крови был угрожающе низким, поэтому я налил себе выпить, закурил сигарету и начал охотиться за большой синей мухой, которая донимала меня всю неделю. Счет был уже 3:0 в пользу мухи, но телефон продолжал звонить. Я поднял трубку и ответил анонимным мычанием.

– Это мистер Филип Марлоу? – спросил женский голос. Голос был полон греха и чувственных обещаний.

– Зависит от того, кто звонит, – сказал я голосу, – сколько он вам задолжал?

Послышался сексуальный смех. Он обещал забавы и игры и больше неприятностей, чем обещает прогноз морской погоды на декабрь.

– Мистер Марлоу, я хочу воспользоваться вашими услугами. Аванс в две тысячи долларов может представлять для вас интерес?

Это было до того интересно, что бурбон исчез в моей глотке в одно мгновение:

– Кого нужно убить?

Она снова засмеялась.

– Вы берете за комедию отдельно? И я думала, что термин «убрать» стал более модным в вашей несколько эксцентричной профессии.

Я позволил себе пропустить остроту мимо ушей.

– Могу я узнать ваше имя? – осведомился я со своим достойным двух тысяч долларов принстонским акцентом с гарвардскими обертонами.

– Я миссис Харви Грейстон Крейл. Я живу на бульваре Бэй-Сити, 69. Вы достаточно хороший детектив, чтобы найти это место?

Пришло время сыграть парня, которого не так просто заполучить:

– Я довольно занят сейчас, миссис Крейл.

– Как скоро вы можете подъехать?

– Через восемнадцать минут, – сказал я и услышал в трубке мелодичный смешок. Она прервала связь.

По адресу бульвар Бэй-Сити, 69 оказалось большое тихое поместье со стенами в пятнадцать футов высотой, воротами, которые могли бы остановить Чингисхана, и, вероятно, садом, полным голодных доберманов. Мистеру Крейлу, похоже, было что прятать. Например, миссис Крейл.

Я прошел мимо шофера со слишком широкими плечами и дворецкого со слишком пристальным взглядом и обнаружил себя в комнате, которая смотрелась бы выше всяких похвал в одной из эпических кинокартин Демилля. Она была достаточно большой, чтобы провести здесь Мировую серию по бейсболу, музей Фрика убил бы за право обладать здешней мебелью, а в ковре вполне можно было потерять мячик для гольфа.

Миссис Крейл была похожей на Юону высокой брюнеткой с глазами цвета ляпис-лазури, полными пурпурными губами и улыбкой, которая говорила, что,

когда дело доходит до занятия любовью, у нее есть диплом. У нее был полный комплект изгибов в разных местах и платье, которое тщательно скрывало как можно меньше из них.

– Мистер Марлоу, я полагаю, – сказала она, и, когда я признался, она смешала два скотча с содовой и протянула один мне.

Я вытер вспотевший затылок:

– В чем ваша проблема, миссис Крейл?

– Несколько ценных предметов было украдено из моей комнаты. Дублон Брашера, стоимостью в небольшое состояние. Нефритовое ожерелье, стоимостью в весьма большое состояние. И Мальтийский Сокол, которого невозможно оценить деньгами.

Что-то звучало не так, но я решил пока оставить это в покое:

– Разве это дело не для полиции?

– Нет, мистер Марлоу, – она села рядом со мной и вытянула вперед ноги. Зрелище было столь изумительным, что я мог бы продавать билеты, – видите ли, у нас была вечеринка этой ночью, и я боюсь, что вором может оказаться один из наших гостей.

– Почему это не работа кого-то со стороны?

– Посторонний не смог бы проникнуть внутрь. Мы не кормили доберманов, – она передала мне две простыни с именами, – это список гостей.

Я глянул на имена. Это не был список гостей, это был социальный реестр высшего общества.

– Вы понимаете, почему я не хочу огласки, – сказала она.

– Что конкретно вы хотите, миссис Крейл?

– Я хочу, чтобы вы нанесли визиты им всем. На ваш выбор используйте такт, шарм, коварство, убеждение, силу, деньги – что хотите, чтобы вернуть все без скандала.

– Это займет месяцы.

Она улыбнулась:

– Тогда вы должны будете приходить сюда каждую ночь, чтобы давать мне отчет о проделанной работе.

Я поставил свой стакан и заметил журнал на столе. Он был открыт на бриджевой колонке.

– Вы играете? – спросил я.

Она прикурила две сигареты и одну дала мне:

– Вообще-то, да. Слишком плохо, должна признаться.

– А мистер Крейл?

– Он хронический инвалид, мистер Марлоу. В хороший день он может сыграть одну-две раздачи, но нужен кто-то, кто будет за него сдавать карты.

Я решил выстрелить в темноту:

– Кто-то из вас знает бриджистку по имени Велма?

Выстрел попал в яблочко.

– Случайно, не Велму Ламонт? Маленькая, блондинка, играет Американский Стандарт. Малышка Велма, как ее звали.

– Милая, как кружевные панталончики, – пробормотал я.

Она выпустила идеальное по форме колечко дыма в мою сторону.

– Это зависит от того, на ком они одеты, – она скрестила ноги, чтобы доказать свою правоту, – да, я знаю малышку Велму. Она была моим репетитором по бриджу, около пяти лет назад.

Я в свою очередь выпустил колечко дыма. Кольца слились воедино. Я махнул рукой и развеял дым. Было слишком жарко для эротического символизма.

– Вы знаете, где она сейчас?

– Она уехала в Англию, попытаться счастья. У меня нет ее адреса, но, кажется, я припоминаю, что она и ее муж владеют там бриджевым клубом.

Итак, Велма вышла замуж. Не могу дождаться момента, когда сообщу об этом Мусу. Он, наверное, выпишет мне бонус. Типа сломанной челюсти.

– Почему вас интересует малышка Велма? – спросила она.

– Клиент хотел проследить, куда она делась.

– Хорошо, вы узнали о ней все, что нужно. Теперь вы можете уделить полное внимание моей проблеме.

Я бросил взгляд на бриджевую задачу:

– Вы решили ее?

– Это выше моего понимания, – она покачала головой, – может быть, вы сможете?

Все в зоне, сдает Юг.

п 1087

ч В65

б ТК86

т ТД5

п Д62

ч 9742

б 97

т В1092

п К9

ч Д108

б Д1054

т 8743

п ТВ543

ч ТК3

б В32

т К6

Юг

Запад

Север

Восток

1п

пас

2б

пас

3бк

пас

4п

пас

4бк

пас

5ч

пас

6п

Все пас

Атака валет треф.

Я удивился, что кто-то подчеркнул короля пик, но это не казалось важным.

– Непростой шлем, – я немного исказил истину, – даже видя все четыре руки.

Она скользнула ближе ко мне.

– Мне кажется, он такой трудный, – сказала она.

– И это не задача на открытых картах. Мы не должны шалить и подглядывать, – благородно сказал я, – мы должны играть, как если бы не видели карты вистующих.

– Может быть, мы можем пошалить чуть-чуть, мистер Марлоу? – она скользнула еще ближе.

– Мы берем трефу на столе и ходим в козырь фоской. Девятка, валет, дама. Давайте предположим, что Запад продолжает безопасно в трефу.

– Да, давайте, – ее голос стал шелковым шепотом, полным скрытых обещаний.

– Мы берем в руке, переходим по бубне и играем в козырь, – мой голос стал измученным вздохом, полным честного желания, – когда появляется король, все готово для перекрестного сквиза.

– Это звучит божественно, мистер Марлоу. Покажите же мне свой перекрестный сквиз, – теперь она практически покусывала мое ухо. Я вдыхал пьянящую смесь сигаретного дыма и Chanel №5.

– Мы переходим на стол по пиковой десятке и стягиваем даму треф, – я почти задышался, – теперь мы возвращаемся в руку по черве, играем двумя старшими козырями, и у нас все готово.

Я сделал набросок на полях журнала. Это была сквизовая позиция, когда Восток еще должен сделать снос. С таким же успехом, для миссис Харви Грейстон Крейл я мог бы нарисовать расписание поездов на санскрите. Она одарила меня вспышкой ляпис-лазури яркостью в тысячу ватт. Это не произвело на меня никакого эффекта, мой пульс стабильно держался на уровне сто восемьдесят ударов в минуту.

п -
ч В6
б Т
т -

п -
ч 97
б 7
т -

п -
ч Д10
б Д10
т -

п -
ч Т
б В3
т -

– Что бы Восток не сбросил, мы берем три последние взятки, – сказал я.

– Я верю вам на слово, Филип.

Она не сказала мне, какой я умный. Я не сказал ей, что это была древняя классическая позиция для сквиза, которую любой эксперт раскусит в десять секунд. По факту, у нас не было времени сказать друг-другу что-либо.

Она мягко опустилась мне на колени. Ее губы расступились, как Красное море. За минуту она изучила внутреннюю полость моего рта лучше, чем мой дантист. Я забыл про Муса и Велму, про дублионы Брашера и нефритовые ожерелья. Я забыл обо всем, кроме этого чертова Мальтийского Сокола. Он казался в этой истории таким же неуместным, как пельмени со свининой в кошерном супе.

4½

Мы поднялись подышать свежим воздухом. Она одернула платье, порылась в сумочке и протянула мне конверт. В нем было двадцать сто долларовых купюр. Я чувствовал себя грязной дешевкой. Но лучше всего было то, что я чувствовал себя богатым.

– Это означает, что я сдал экзамен? – спросил я.

Она сексуально промурлыкала что-то и нажала кнопку звонка.

– Вы получили часть, мистер Марлоу. Вечером вы можете вернуться за остатком. Ах да, меня зовут Хелен.

Вошел дворецкий. Его надменный взгляд внимательно изучал мой измазанный помадой рот, и он ухмыльнулся, когда я стал вытираться с помощью своего светло-голубого носового платка.

Было что-то похоронное в том, как он провожал меня до входной двери. Я чувствовал себя, как приговоренный к смерти во время путешествия в один конец к последнему большому сну. Я решил попробовать свои силы в непринужденной беседе.

– Вы знаете игрока в бридж по имени Велма Ламонт? – спросил я его.

Он поднял бровь:

– Я боюсь, сэр, что, кроме гостей в доме, у меня нет знакомых игроков в бридж.

– Это жаль, – сказал я.

Теперь была очередь подняться второй брови:

– Могу я спросить, почему, сэр?

– Я надеялся, что вы объясните мне, почему король пик был подчеркнут.

– Наверное, кто-то думал, что это важно, сэр. Это, случайно, не может быть ключом к разгадке?

– Возможно, – сказал я, – вопрос в том, кто из нас детектив?

Я оставил его решать эту задачу, пока я шел садиться в свой потрепанный старый "Паккард".

5

Когда я вернулся в офис, телефон звонил, не переставая. Отставные генералы разыскивали пропавших мужей своих дочерей-нимфоманок. Молодые девушки из Хиксвилля искали своих давно потерянных старших братьев. Неожиданно у меня оказалось больше клиентов, чем у агентства Пинкертона, и больше проблем, чем у Старушки, которая жила в башмаке.

Итак, я составил план битвы. Если я буду шляться по всему городу и вызову раздражение у достаточного числа людей, один-другой из них могут забеспокоиться и прикажут меня избить. Затем, увидев, что я ничего не предпринимаю по этому поводу, они станут очень беспечными. Это не было планом на уровне Роммеля в тот период, когда его называли Лисом Пустыни, но всегда работало для меня, могу показать шишки на голове, если не верите.

Я положил список гостей от Хелен рядом с полицейским пистолетом 45-го калибра, пинту бурбона рядом с моей картой донора и пошел туда, где под жарким июльским солнцем стоял мой потрепанный старый "Паккард".

Я уже собирался полчаса проветрить свой затылок, когда почувствовал, что температура сзади меня упала на десять градусов. Огромная тень закрыла солнце, и у меня по спине побежали мурашки, когда я вспомнил, что сегодня не обещали облаков.

– Привет, Мус, – вздохнул я, не утруждая себя обернуться.

– Есть новости про Велму? – спросил он, приняв решение отказаться от светских любезностей.

– Нет, но у меня есть горячая зацепка. В одной китайской прачечной шесть лет ждут-не-дождутся, пока кто-нибудь заявит свои права на миленькие кружевные панталончики.

Это взволновало его, но что-то в моем тоне показалось ему подозрительным:

– Ты же не смеешься надо мной, кореш?

– Я бы не осмелился, Мус, – бросился я в контратаку, – между прочим, ты не сказал мне, что ее фамилия Ламонт.

Это сбilo его с толку. Его лицо скривилось, словно он был Исаак Ньютон, увидевший, что яблоки теперь падают снизу вверх:

– Ее фамилия не Ламонт, ее фамилия Флюгельхайм.

Это сбilo с толку меня. Но годы практики приучили меня падать на лапы. Я написал кое-что на обратной стороне визитной карточки.

– Мус, – сказал я, – встретимся на этом адресе в девять часов. Возможно, у меня будет несколько ответов для тебя.

Я вскочил в свою колесницу и удрал, пока он пялился в визитку.

6

Моей следующей остановкой был Загородный клуб Бэй-Сити, место для хайроллеров, где двух сотен Муса не хватило бы, чтобы оплатить овер на реконтре. Они еще не забыли случая, когда мне пришлось застрелить доставлявшего неприятности члена клуба, чтобы избавить их от небольших затруднений, поэтому у меня не было сложностей с тем, чтобы попасть внутрь. Сложности могли возникнуть на выходе.

За столом сидел самый главный подозреваемый из списка миссис Крейл. Это был Эдди Куинн, владелец корабля-казино, вереницы ночных клубов и департамента полиции Бэй-Сити. Также он был одним из самых блестящих робберных игроков в округе.

Я припарковался позади него и восхитился тем, как его великолепно скроенный костюм изменил его внешность, придав ему широкие плечи и отсутствие брюха.

Север-Юг в зоне, сдает Север.

	п ТВ62		
	ч 1076		
	б ТД7		
	т ТД4		
п 1075		п 83	
ч KB53		ч ТД94	
б B653		б K92	
т B3		т 10987	
	п КД94		
	ч 82		
	б 1084		
	т K652		
Север	Восток	Юг	Запад
1т	пас	1п	пас
3п	пас	4п	Все пас

Запад вышел тройкой черв, и защита продолжила масть. После убитки на третьем круге простой линией было стянуть козырей, проверить трефу и надеяться на бубновый импас, но Эдди Куинн не был простым игроком.

Я думал, что он немедленно проведет бубновый импас, что оставило бы ему шансы на сквиз, если импас не пройдет. Он мог даже провести глубокий импас к бубновой семерке. Как случилось, ни одна из этих линий не сработала бы.

Решение Эдди было необычным, и его было чертовски трудно заметить. Он сыграл четыре круга козырями. Теперь Восток оказался в затруднении. Лучшей защитой было оголить бубнового короля, но он не был готов к такой игре. Он снес бубну и черву.

Теперь Эдди сыграл четыре круга трефами. Восток оказался впущен и вынужден выйти в бубновую вилку.

Я оглядел других игроков, чтобы понять, оценил ли кто-либо из них тонкую игру Эдди, но они были просто пустыми местами за столом.

Эдди поднялся и бросил на меня взгляд, который мог означать что угодно, и, видимо, именно это и означал. Я последовал за ним к бару. Он заказал сухой Мартини. Моя выпивка здесь была за счет заведения, поэтому я заказал скромный коктейль с шампанским.

Он смерил меня пронизательным взглядом, который мог бы прожечь дыру в одеяле.

— У меня такое впечатление, что вы пришли сюда, чтобы увидеть меня, — протянул он.

Я дал ему свою визитку, тот вариант, на котором не было логотипа с черепом и скрещенными костями.

Он уставился на меня так, словно я только что поднес тухлую рыбу ему прямо к носу. Я понял, что ситуация требовала деликатности.

– Мистер Куинн, я ищу дублон Брашера, нефритовое ожерелье, Мальтийского Сокола и бриджевую профессионалку по имени Велма Ламонт, урожденную Флюгельхайм.

Я увидел, что это не оставило его безразличным. Моя изощренная хитрость принесла свои плоды. Он хмуро посмотрел на богато украшенные фрески за стойкой бара и выпустил струю дыма, словно пытаюсь заслониться от этого зрелища. Я бы мог сказать ему, что это не сработает, я уже пытался.

– И почему это должно касаться меня? – спросил он.

Я оставил вопрос висеть в воздухе, закурил сигарету и помог ему атаковать фрески.

– Прерафаэлитов за многое можно критиковать, – сказал я, кивнув в сторону фресок.

Его глаза расширились. Он снова посмотрел на мою визитку, словно пытаюсь понять, не упустил ли он что-нибудь.

– Боже мой, – сказал он, – искусственный пластик.

– Раз уж они изобрели искусственный пластик, его нужно куда-то девать, – сказал я.

Он коротко улыбнулся:

– Позвольте вспомнить. По-моему, я играл несколько робберов с мисс Ламонт.

– Милой, как кружевные панталончики?

– Не могу знать, мистер Марлоу. В тех кругах, где вращаюсь я, нижнее белье всегда шелковое и редко выставляется напоказ.

– Вы говорите, как эксперт, мистер Куинн.

– Скорее, тонкий знаток, – ответил он, – я также знаток в области нефритовых ожерелий. Это Фей Цуй?

Если он думал, что этот вопрос выставит меня дураком, он не на того напал.

– Понятия не имею, – как дурак сказал я.

– И этот дублон. Он был отчеканен в 1787 году?

– Да, – сказал я, – не припомню месяц, но это было во вторник.

Он элегантно приподнял бровь:

– Вижу, что они изобрели не только искусственный пластик, но и искусственный юмор.

Он украсил свой Мартини оливкой:

– Но что касается ... как вы сказали? Мальтийский Сокол? Признаюсь, это озадачило меня. Звучит, как что-то весьма дорогое и, в то же время, весьма сомнительного вкуса. Как коктейль с шампанским.

Я украсил свой коктейль с шампанским орешком арахиса:

– Три предмета были украдены из комнаты миссис Крейл во время недавней домашней вечеринки. Мне сообщили, что вы были в числе гостей.

– Это делает меня подозреваемым? Как увлекательно, – его тон был достаточно остр, чтобы резать хлеб, и достаточно холоден, чтобы заморозить пиво.

– Я надеялся, что вы дадите мне информацию о других участниках.

Он сделал задумчивый глоток:

– Единственными гостями, пользующимися достаточно дурной репутацией, была пара судей, но, учитывая прибыльность их постоянного взяточничества, я думаю, они бы выбрали более зловещий вид преступления.

Звучало разумно, поэтому я сменил тему:

– Есть какие-то мысли, что стало с Велмой?

– Никаких, – теперь его тон был достаточно тверд, чтобы колоть орехи, – но, так как вам удалось позабавить меня, я дам вам дружеское предупреждение. Найти ее было бы большой ошибкой.

Он поднялся. Мы пожали руки, но не так, будто мечтали сделать это, как только встретились.

– Мне передать от вас привет Мусу Мэллоу? – спросил я голосом достаточно кислым, чтобы можно было мариновать лук.

Он покраснел под глубоким загаром:

– Боюсь, это имя значит для меня так же мало, как Фей Цуй для вас.

Когда он ушел, я заказал себе еще несколько коктейлей с шампанским, выкурил несколько сигарет и постарался собрать воедино все, что я узнал.

Узнал я с гулькин нос, но это было в порядке вещей для меня. Я чувствовал себя человеком, который пошел охотиться на зайцев с мертвой легавой.

На уединенной автостоянке клуба по-прежнему стоял мой потрепанный «Паккард». До сего момента дела шли необычайно хорошо. Я получил больше двух косарей, занимался любовью с богиней, и вокруг меня не было ни одного убийства. В благодушном настроении я влез в машину, достаточно осторожно, чтобы не потревожить мертвое тело на пассажирском сидении.

Бедняга Бенни Луковиц сыграл свой последний роббер. Аккуратная дырочка у него во лбу была сделана пулей небольшого калибра, и отсутствие крови говорило мне, что его смерть была мгновенной.

Пришло время для ясного мышления. Я вытащил пинту бурбона из-под приборной панели и сделал большой глоток. Это убило в моем мозгу несколько тысяч серых клеток, зато оставшиеся переключились на максимальные обороты.

Тело Бенни было предупреждением. Предупреждением, что пора бросить искать Велму. И он знал слишком много про Велму. Итак, я знал, для чего, но не знал, кто. Кто-то застрелил Бенни после того, как кончилась его смена в «Двойке», привез его к моей машине и перенес тело. Кто-то с крепкими нервами и большим количеством информации. Или, возможно, целая команда.

Затем я заметил листок бумаги, неряшливо торчащий из верхнего кармана Бенни. Это было совершенно не в его характере, поэтому я достал листок. Это

была бриджевая заметка, вырезанная из газеты. Я положил ее в бумажник и огляделся вокруг.

Пришло время позвонить в полицию. Они бы прислали парочку крепких копов, которые бы немного грубо обошлись со мной, просто из принципа. Затем, когда им бы не удалось повесить на меня смерть Бенни, они бы повесили на меня несколько мелких правонарушений, просто из принципа.

Я открыл пассажирскую дверь, осторожно положил Бенни на гравий и уехал прочь. Просто из принципа.

7

Если бы существовала Пулитцеровская премия за то, что печатное издание не раскачивает лодку, «Вест Коаст Рекордер» был бы фаворитом с высокими шансами. Это была редакционная политика, которую я не смог бы нарушить. В Бэй-Сити журналист-правдоискатель имел ожидаемую продолжительность жизни, как у пилота-каскадера для фильмов Говарда Хоукса.

Я вошел в офис Джейка Коберна как раз вовремя, чтобы застать его за дневной выпивкой. Джейк был главным редактором, он также вел колонки бриджа и светских сплетен. Его элегантный серый фланелевый костюм показывал, как много он получает за то, что написал, а наручные часы «Ролекс» показывали, сколько он получает за то, о чем не написал. У него было приятное красное лицо с тем здоровым румянцем, который появляется от крепких напитков.

Мы с ним общались в той непринужденной манере, которая возникает из взаимной полезности и мало чего еще.

– Ставлю десять центов против пяти, я знаю, почему ты здесь, – сказал он, – эта странная кража из дома Крейлов.

Я знал все, о чем гремели барабаны в джунглях Бэй-Сити, поэтому решил поиграть в загадочность. Я закурил Кэмел и выпустил дым через нос.

– Хватит играть в загадочность, – сказал он, – ты знаешь, что я не напечатаю и слова против Крейлов.

– Ты же не боишься больного старика, которому нужен двухчасовой сон всякий раз, как он поковыряет в носу?

– Мой дорогой Фил, я боюсь больного старика, который владеет двадцатью процентами всего Бэй-Сити, не исключая этой газеты.

– Даже двадцатью процентами твоего «Ролекса»?

– Но больше всего меня удивило то, что кто-то осмелился ограбить миссис Крейл, – он наполнил мой стакан, – она имеет огромное влияние на сто процентов от этих двадцати процентов.

– Влиятельная леди, – сказал я и вспомнил, что сегодня хороший день для того, чтобы держать язык за зубами, – раз уж мы заговорили о влиятельных леди, ты когда-нибудь слышал о бриджевой профи по имени Велма Ламонт?

Он выглядел встревоженным. Я недоумевал, почему упоминание имени Велмы делало людей встревоженными.

Он быстро восстановился:

– С какой целью интересуешься? Ищешь нового партнера?

– Нет. У меня появился клиент.

– Поздравляю, старина. Даже у тебя время от времени должны появляться клиенты.

Я отхлебнул бурбона. Это был хороший бурбон, стоящий того, чтобы потерпеть насмешки.

– Да, я припоминаю Велму. Она исчезла несколько лет назад. Прекрасный игрок. Я посвятил ее игре несколько колонок в газете.

– Я хочу увидеть пример ее игры.

– Для чего?

– Просто соскучился по хорошей журналистике, Джейк, – я загадочно выпустил струю дыма, – и я хочу увидеть, насколько она была хороша в игре.

Он взял папку с полки и быстро начал листать.

– Я слышал, она уехала в Англию, держит там бриджевый клуб вместе с мужем, – как бы невзначай сказал я.

– Да? – он бросил на меня встревоженный вороватый взгляд, и снова быстро вернулся в норму, – тогда, должно быть, у нее все в порядке.

Он протянул мне вырезку из газеты.

Неприкрытое ограбление

Север-Юг в зоне, сдает Юг.

n T7

ч Д86

б КД876

т В65

n KB432

ч T7

б 432

т ТД10

n 10865

ч 932

б 95

т К432

n Д9

ч KB1054

б ТВ10

т 987

Юг

1ч

пас

Запад

1n

пас

Север

2n

4ч

Восток

3n

Все пас

Сегодня предлагается проблема, которая испытает ваши чувства и интеллект. После атаки пиковой тройкой, как разыгрывающий может выиграть червовый гейм против разумной защиты?

Это кажется невозможным. Как только Запад возьмет козырного туза, он переключится на трефовую десятку, что годится, если у партнера есть трефовый король или бубновый туз.

Однако, разумная защита не всегда то же самое, что лучшая защита, особенно, когда разыгрывает мисс Велма Ламонт, восходящая звезда на бриджевом небосводе Бэй-Сити.

Мисс Ламонт холодно положила пикового туза и, после того, как Восток сыграл восьмеркой, немедленно занялась козырями. Запад, хороший игрок, взял на втором круге. Положив партнеру пиковую даму, он разумно вышел из-под короля, чтобы партнер прорезал предполагаемого короля трэф разыгрывающего.

Читатели сами могут угадать, что Запад сказал после того, как очаровательная красавица мисс Ламонт предъявила одиннадцать взяток, но уважаемая публика должна признать, что он стал невинной жертвой захватывающей дух смелости и дальновидности мисс Ламонт.

Ваш корреспондент, между прочим, был Западом.

– Что думаешь? – спросил он меня.

– Очень хорошо, Джейк. Не уверен, что синтаксическая конструкция во втором параграфе на уровне Генри Менкена, но «звезда на бриджевом небосводе» может стать новым клише.

– Я имею в виду сдачу, – он дружелюбно ухмыльнулся.

– Ты прав, Джейк, – сказал я ему, – она прекрасный игрок. Как думаешь, ты можешь отыскать этот бридж-клуб в Англии для меня?

– Попробую, старина. У меня есть пара друзей в Англии.

Уже на улице, я вспомнил, что он не спросил у меня фамилию Велмы в замужестве. Но он видимо решил, что сейчас слишком жарко, чтобы меня догонять.

Затем я вспомнил, что не показал ему бридговую вырезку Бенни, но было слишком жарко, чтобы бежать назад.

8

Когда я припарковал «Паккард» снаружи поместья Крейлов, мне следовало ожидать неприятностей, но я был слишком занят воспоминаниями о больших глазах Хелен и, возможно, о ее большой спальне.

Человек двигался ко мне в темноте. У него была развязная походка и много мышц. На его лице была садистская ухмылка наемного убийцы, которому нравится его работа. Я мог видеть охотничий нож в одной руке и «Смит-Вессон» в другой. Гаррота, небрежно перекинута через плечо, казалось, была немного лишней, но, видимо, этот человек гордился своей универсальностью.

Всё, чего не хватало этой сцене, был диалог в стиле фильма нуар. Человек, похоже, был в этом согласен со мной.

– Если ты знаешь какую-нибудь молитву, дружок, самое время ее произнести, – сказал он.

Он не испугал меня. Я использовал такие диалоги еще до того, как они были придуманы:

– Мне молиться стоя или ты хочешь, чтобы я встал на колени?

Он истерически захихикал, как будто был в восторге от того, что водевиль не умер. Он был под кайфом от какого-то вещества, и я не думаю, что это была сахарная пудра. Я отправил в полет его пушку с помощью удара из карате ногой в правый локоть. Болевой прием из дзюдо избавил его от ножа в левой руке, а прямой удар в челюсть – от передних зубов.

– Ты лаешь страшнее, чем кусаешься, – сказал я.

Я уже собирался игриво затянуть гарроту вокруг его шеи, когда почувствовал, что дубинка опустилась за моим правым ухом.

Черная бездна разверзлась у моих ног. Это ощущение было мне хорошо знакомо, поэтому я нырнул. Как обычно, у этой бездны не было дна.

Звук сиплого голоса долетел до меня сверху, как будто с высоты в полмили:

– Сладких снов, друг. С наилучшими пожеланиями от Толстяка.

Пока я падал в хорошо знакомую бездну, я видел сон. Сон о бридже. Не верите? Да ладно вам, это ведь история про бридж, о чем же я должен видеть сны? О маджонге?

Во сне я услышал голос. Голос принадлежал Бенни Луковицу. Это сделало для меня ясным две вещи. Я настолько же мертв, насколько был пьян в последнее Рождество, и я не попал в рай.

– Привет, Марлоу, – сказал он.

– Привет, Бенни, – сказал я, – мне жаль, что тебя застрелили.

– Иногда выигрываешь, иногда проигрываешь, – он пожал плечами.

Он выглядел лучше, чем в последний раз, когда я видел его. Я порадовался, что его голубой костюм из «Блумингдейла» остался при нем, но чего-то не хватало.

– Что случилось с дыркой в твоей голове, Бенни?

– Почему ты не спросишь меня о той линии, Марлоу?

– О какой линии, Бенни?

– О той, которой был подчеркнут король пик. Твой перекрестный сквиз был красивым. Конечно, Запад мог смениться в черву, когда получил взятку на козырную даму. Это бы сорвало сквиз. Но простофилей был Восток. Ты бы никогда не выиграл шлем, если бы я сидел на месте Востока.

Расклад из журнала Хелен материализовался перед моими глазами, и король по-прежнему был подчеркнут, и я по-прежнему не понимал, почему.

Все в зоне, сдает Юг. Контракт: бп от Юга.

п 1087

ч В65

б ТК86

т ТД5

п Д62

ч 9742

б 97

т В1092

п К9

ч Д108

б Д1054

т 8743

п ТВ543

ч ТК3

б В32

т К6

Пока я глядел на расклад, он начал таять перед моими глазами. Это же сделал и Бенни, подобно Чеширскому Коту из «Алисы». Я собирался крикнуть, чтобы он вернулся, в этот момент меня осенило.

Когда будет сделан первый ход в козырь со стола, Восток должен уронить короля с беззаботным видом человека, у которого не было альтернативы. Тогда разыгрывающий сыграет с руки к восьмерке стола и отдаст две козырные взятки. Умница Восток. Умница Марлоу. Приятно закончить сон на этом моменте, подумал я.

Бесцеремонный демон вынырнул из черной бездны и начал лупить по моей голове огромным железным кулаком.

9

Комната была полна туманом.

Туман не двигался. Он висел тонкими параллельными линиями, как нотный стан, заполненный фугами, которые с безжалостным шармом Иоганна Себастьяна Баха терзали мои барабанные перепонки в этот плохой день.

– Очнись, Филип, пожалуйста, очнись, – это был голос ангела. Этому голосу не было места во сне, заполненном дьявольскими фугами.

Моя сила вернулась. Я был готов поднять тонну. Как раз столько весило мое правое веко. Сквозь туман я увидел Хелен, которая прижимала два пакета со льдом к двум моим головам и подносила два стакана бренди к моим четырем пересохшим губам. Я сделал большой глоток.

– Хелен, – спросил я, – кто такой Толстяк?

– Я понятия не имею, дорогой, – сказала она, и почему-то я понял, что это правда.

– Кто меня оглушил?

– Филип, клянусь, я не знаю. А ты сам?

Я покачал головой. Это было ошибкой. Только пакет со льдом не позволил моей голове упасть. Я глотнул еще бренди.

Мой мозг по-прежнему был где-то в черной бездне, но он был не нужен мне, чтобы понять, что каким-то образом два сюжета, подобно двум кольцам дыма, слились воедино. Но почему нет? Я же сейчас в фильме нуар, где сюжеты вообще имеют мало значения. И сценарий был написан Кафкой по роману Достоевского.

– Хелен, – сказал я, в то время, как она покрывала мое лицо легкими поцелуями, – или, может быть, мне следует звать вас Велма?

Она застыла, словно жара превратилась в тридцатиградусный мороз.

– Вы начали жизнь как Велма Флюгельхайм. Затем Мус дал вам кучу горячих денег, чтобы вы сохранили их тепленькими к тому моменту, как он закончит сидеть свои восемь лет. Тогда вы изменили фамилию на Ламонт и начали восхождение по социальной лестнице. Бенни Луковиц и Эдди Куинн были только двумя ступеньками.

Я оставил ей время поразмыслить над моими словами, пока я выпил достаточно бренди, чтобы суметь поднять второе веко.

– На вершине лестницы был старый богатый Крейл. Он был слишком из Лиги Плюща, чтобы жениться на скромной бридж-про, но к тому времени вы стали Хелен Ван Минк, брюнеткой голубых кровей.

Она издала один из своих мелодичных смешков. Это был чистый Шуберт. Она выключила Баха в моем мозгу и включила поток блестящих дедуктивных умозаключений.

– Почему не Ван Сэйбл?

– Штука в том, что вы больше не были малышкой Велмой.

Она поднялась в полный рост. Да, за этот вид стоило умереть.

– И как я выросла на шесть дюймов?

– Вы не выросли. Я удивился, почему вы продолжали повторять, что они называли ее малышкой Велмой. Потому что Бенни не называл ее малышкой, Эдди Куинн не называл и Джейк Коберн тоже. Только Мус называл вас так. Но для Муса и Моби Дик покажется мальком, который плавает в банке из-под кильки.

– И кто такой этот Мус Мэллой? – сказала она слегка раздраженно.

– Парень, который может найти вас и поинтересоваться, почему вы скрываетесь от него. Парень, который может свидетельствовать, что вы были сообщницей в ограблении бронированного грузовика. Затем, когда Бенни позвонил вам, чтобы предупредить, что я иду по вашему следу, вы придумали кражу с достаточно большим числом подозреваемых, чтобы занять меня на время, пока вы найдете способ остановить Муса.

Она прикурила две сигареты и с улыбкой, которая очаровала бы и Аттилу, одну дала мне.

– Вы сильно рисковали, Велма, но это так же в вашем характере, как и розыгрыш в статье из колонки Джейка.

Я глубоко вздохнул:

– Вы сказали, что три предмета были похищены из вашей комнаты. Нефритовое ожерелье – да, это имело смысл. Но что дублон 1787 года делал в вашем будуаре? Вы что, собирались дать его на чай горничной?

Что касается Мальтийского Сокола, боюсь, это предмет вашего воображения. Не та история. И не тот детектив.

– Кажется, я стала слишком беспечной, – сказала она осторожно.

– Подбросить тело Бенни в мою машину – очередная ошибка. Когда Бенни понял, что его берут на прогулку, он положил вырезку с одним из ваших бриджевых шедевров в свой карман, надеясь, что кто-то найдет ее и установит связь.

После титанических усилий мне удалось достать вырезку из бумажника. Она прочитала заметку с умеренным интересом.

Единственный шанс

Все до зоны, сдает Запад.

*n B65
ч Д105
б Д87
т В932*

*n K107432 n Д
ч Т4 ч 87632
б В93 б 10652
т Т5 т 876*

*n Т98
ч KB9
б ТК4
т КД104*

<i>Запад</i>	<i>Север</i>	<i>Восток</i>	<i>Юг</i>
<i>1п</i>	<i>пас</i>	<i>пас</i>	<i>2бк</i>
<i>пас</i>	<i>3бк</i>	<i>Все пас</i>	

Когда Запад вышел пиковой четверкой, и Восток сыграл дамой, сегодняшний расклад принял все отличительные особенности ситуации из учебника. Выигрыш тузом обеспечивает две пиковые взятки. Теперь компетентный разыгрывающий может попробовать проскочить в черве мимо Запада и, в случае успеха, переключиться на трефу. Шесть взятков в минорах обеспечат контракт.

Однако, разыгрывающей была прекрасная и опытная миссис Харви Грейстон Крейл, которая поняла, что, если Запад также читал книги, он вскочит червовым тузом и отыграет пику, что приведет к подсаду без двух.

Фактически, единственным шансом было пропустить первый ход и надеяться, что пиковая дама была синглетной. Она пропустила, дама была, и la belle Helene в очередной раз доказала, что ведущая светская львица Бей-Сити становится сильнейшим бриджевым игроком в городе.

– Это была игра, достойная Велмы, – сказал я, – а она была экспертом из экспертов.

– Вы знаете этих бриджевых колумнистов, – пожалала плечами она, – они склонны приписывать умную игру известным личностям.

– Не могу с этим спорить, – сказал я, – когда мы с вами решали задачу из журнала, вы не показали достаточно бриджового мастерства, чтобы выиграть и в щелбаны. Но вы разрушили иллюзию, подчеркнув короля пик.

– Возможно, мой муж сделал это.

– Я бы не стал делать на это ставку, – сказал я, – но есть и другие улики. Удивленные взгляды людей каждый раз, когда я упоминал Велму и Хелен Грейл одновременно. Джейк не позаботился спросить фамилию Велмы в замужестве, когда он обещал мне отыскать ее бриджклуб. Но ваш большой промах был вчера, когда я увидел мельком ваши миленькие кружевные панталончики.

– Не заметила, чтобы вы жаловались.

– Кружево было фирменным стилем Велмы. Все светские львицы носят шелк.

– Филип Марлоу, эксперт в области женской моды.

– Я – нет. Эдди Куинн – да. Кроме того, я проверил в «Мейси». Эти кружевные штучки там не продают.

– Я поняла.

Она поднялась и пристально посмотрела на меня сверху вниз. Ее прекрасные голубые глаза были немного печальны. Ее улыбка была как солнечный свет, играющий на крышке гроба. Она достала маленький позолоченный револьвер и с видимым сожалением нацелила его мне точно в переносицу.

Моя глотка пересохла, но я был слишком слаб, чтобы двигаться.

– Прощай, дурачок, – сказала она, – как жаль, нам было бы так хорошо вместе.

Она уже собиралась нажать спусковой крючок, когда звук из-за спины заставил ее обернуться. Неожиданно комнате показалась мне меньше. Она не съежилась, нет; это Мус Мэллой стоял во всей своей красе, пахнувший греческой трагедией и мертвыми доберманами.

– Велма, малышка Велма, – сказал он, – что ты сделала с волосами? И почему ты не писала мне?

– Не приближайся ко мне, Мус, – теперь револьвер был направлен на него.

Он сделал шаг вперед:

– Я не собираюсь обидеть тебя, Велма. Я никогда тебя не обижу.

Он сделал еще шаг. Если вы будете искать слово «идиот» в иллюстрированном словаре, вы найдете его под портретом Муса Мэллоя. Пуля за пулей входила ему в грудь, но он продолжал идти, широко раскинув руки. Я насчитал шесть выстрелов, затем резкий щелчок пустого барабана.

Мус уставился на шесть маленьких отверстий в своей лиловой рубашке. Он казался слегка удивленным, но не слишком озабоченным. Они были в форме красивой маленькой буквы V. Он смотрел на них несколько секунд, затем сделал то, что, возможно, не делал восемь долгих лет.

Он улыбнулся.

– Малышка Велма, – сказал он и медленно сполз на пол.

Я не верю, что его убили пули, не этого парня. Я верю, что он умер из-за разбитого сердца. Но я всегда был размазней.

Велма скользнула по мне беспомощным взглядом, затем отчаянно бросилась к двери. Дверь открылась раньше, чем она достигла ее, и человек вошел в комнату.

Он был на фут короче Мэллоя и не такой широкий в плечах, но от пупка до спины был толще его на пятнадцать дюймов. Это, должно быть, был Толстяк.

– Миссис Крейл, если не ошибаюсь, – его английский акцент был чудовищным, – я слышал, вы говорили о Мальтийском Соколе. Мне хочется поговорить с леди, которая любит поговорить.

Она смотрела на него, словно громом пораженная:

– О Мальтийском Соколе?

– О черной птичке, за которой я охочусь по всему миру.

Она огляделась вокруг, но спрятаться было негде.

– Но эту вещь я просто выдумала! – она практически визжала.

– Действительно? – он улыбнулся. С такой улыбкой предлагают чашу с цикутой, – тогда я с нетерпением жду разговора с такой творческой особой.

Невысокий человек вошел в комнату вслед за ним. У него было лицо гаргульи, от него шел сладкий запах одеколона и мертвых телохранителей. Я мог только беспомощно смотреть, как они увели Хелен в теплую июльскую ночь, оставив меня с сотней сожалений и тысячей вопросов без ответов.

Кто убил Бенни? Кем был наемный убийца-наркоман? Где заказывает костюмы Эдди Куинн? Четыре круга козырей были игрой мастера или просто случайным везением? Велма действительно застрелила бы меня? Нам правда было бы хорошо вдвоем, или мне было бы безопасней жениться на самке каракурта?

Я бросил размышлять и налил себе еще бренди. Я думал, что это придаст мне достаточно сил, чтобы броситься в погоню за Толстяком и спасти Велму.

Затем я понял, что было слишком жарко.

